

На правах рукописи

Сидоркевич Дарья Викторовна

**ЯЗЫК ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ
(СТРУКТУРА, ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ,
КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ)**

Специальность 10.02.02 — языки народов Российской Федерации
(финно-угорские языки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Санкт-Петербург – 2014

Работа выполнена в отделе языков народов Российской Федерации ФГБУН
Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
член-корреспондент Российской академии наук

Головко Евгений Васильевич

Официальные оппоненты:

Муллонен Ирма Ивановна,

доктор филологических наук,

директор Института языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

Рожанский Федор Иванович,

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Института языкознания РАН

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО Томский государственный
педагогический университет»**

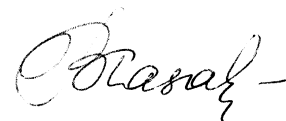
Защита диссертации состоится 29 апреля 2014 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.055.01 при ФГБУН Институте лингвистиче-
ских исследований Российской академии наук по адресу: 199053,
Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистиче-
ских исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер.,
д. 9.

Автореферат разослан 10 марта 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук

В. В. Казаковская

Диссертационное исследование¹ посвящено структуре, диалектным особенностям и контактными явлениям в сибирском ингерманландском идиоме (*здесь и далее* — СИИ), на котором говорят потомки переселенцев из Ингерманландии в нескольких населенных пунктах на территории Западной Сибири, в первую очередь — в с. Рыжково (Крутинский район Омской области). Данный идиом сформировался более двухсот лет назад в условиях интенсивных языковых контактов в отрыве от основного ингерманландского диалектного ареала. Базой для него послужили нижнелужские ингерманландские финские и ижорские говоры, носителями которых являлись первые переселенцы.

СИИ представляет собой важный материал для уточнения истории развития и контактного взаимодействия прибалтийско-финских языков в западных районах Ингерманландии, прежде всего — в деревнях по р. Россонь. Данная зона на диалектной карте Ингерманландии является одной из наиболее сложных для изучения в силу интенсивности взаимного влияния идиомов и их инновационного характера по сравнению с более архаичными ижорскими говорами Сойкинского полуострова и финскими говорами Центральной Ингерманландии. Изучение нижнелужского контактного ареала затруднено тем, что распространенные здесь языковые варианты не подвергались систематическому изучению и документированию вплоть до 1930-х гг. XX в., а в настоящее время достаточно быстро выходят из употребления. Жители большинства расположенных здесь деревень подвергались переселениям и находились в зоне боевых действий во время Второй мировой войны. В результате, большое число носителей прибалтийско-финских идиомов данного ареала проживает в настоящее время за пределами мест своего первоначального расселения.

---

¹ Исследование проведено благодаря финансовой поддержке факультета антропологии ЕУ СПб и грантов РГНФ (проекты 11-04-00172а, 08-04-00152а).

Носители СИИ, напротив, до сих пор компактно проживают в с. Рыжково. На протяжении своей истории, насчитывающей более двухсот лет, данная этноязыковая группа не имела регулярных контактов с Ингерманландией и, таким образом, сохранила особенности, характерные для идиомов нижнелужского ареала в эпоху, предшествующую переселению в Сибирь.

С другой стороны, в силу специфики своего происхождения, СИИ представляет собой результат контактного взаимодействия нескольких языков. Первые ингерманландцы на территории Сибири были выходцами из разных деревень, как ижорских, так и финских, в отдельных случаях — с предположительным водским субстратом.

С этой точки зрения СИИ интересен не только с позиций диалектологии, но и теории языковых контактов. Он был подвержен контактному воздействию как близкородственных прибалтийско-финских (эстонского и финского), так и индоевропейских языков (русского и латышского). С. Рыжково, ставшее первым местом расселения ингерманландцев в Сибири, к середине XIX в. из автономного ингерманландского поселения было преобразовано в лютеранскую колонию. В ней стали размещать финнов из Великого княжества Финляндского, для которых смертная казнь за уголовные правонарушения заменялась ссылкой в Сибирь, а также эстонских и латышских крестьян. В результате этого взаимодействия СИИ демонстрирует особенности, которые могут объясняться интерференцией, прежде всего, за счет взаимодействия СИИ с эстонским и русским языком.

Результаты внутреннего развития сибирского ингерманландского идиома в отрыве от нижнелужского ареала, в свою очередь, представляют собой важный материал для выявления общих механизмов изменения прибалтийско-финских языков на протяжении последних двух столетий. Некоторые явления, характерные для СИИ, характерны также и для ижорских и финских говоров западной Ингерманландии, а в отдельных случаях представляют собой более поздние стадии развития наблюдающихся в них тенденций.

Объектом исследования, таким образом, является сам СИИ, на котором говорит часть жителей с. Рыжково. **Предметом** исследования стало, в первую очередь, современное состояние языковой системы СИИ по сравнению с родственными прибалтийско-финскими идиомами, а также выяснение закономерностей его развития в условиях полной изоляции. Внимание было также уделено контактными явлениям, в частности, механизмам переключения и смешения кодов. Происхождение СИИ с точки зрения соотношения ижорского и финского компонентов также получило отдельное рассмотрение.

Полученные результаты являются первым материалом, который используется в рамках построения лингвистического описания данного идиома. В условиях отсутствия публикаций синхронно-описательного характера и каких бы то ни было сведений о сибирском ингерманландском идиоме, кроме сведений, содержащихся в публикации В. Злобиной², данная работа является первой попыткой комплексного изучения СИИ. Новизна диссертационного исследования определяется не только новизной вводимого в прибалтийско-финское языкознание материала, но и сравнительно-историческим подходом, в рамках которого особенности разных уровней системы СИИ сопоставляются с ижорскими и финскими говорами Ингерманландии, а также литературным финским и эстонским языками.

Актуальность темы определяется отсутствием сопоставимых лингвистических описаний, в равной степени затрагивающих все уровни языковой системы, на материале прибалтийско-финских языков ингерманландского ареала. Необходимо отметить, что более или менее подробное описание грамматики было сделано в последние годы только для водского языка³, в то

---

² Злобина В. Кто такие корлаки? // Советское финно-угроведение. – 1971. – № 2. – С. 87–91.

³ Маркус Е.Б., Рожанский Ф.И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. – СПб: Нестор-История, 2011. – Т. II.

время как грамматика ижорского языка, построенная по аналогичному принципу, разрабатывается тем же коллективом авторов, но пока не опубликована. Говоры ингерманландского диалекта финского языка до сих пор не получили комплексного рассмотрения с точки зрения морфологии и синтаксиса. Внимание исследователей в этой области традиционно привлекают историческая фонология и морфонология.

Целью работы стало изучение СИИ с целью выявления основных тенденций его развития, как в области фонологии, так и в области морфонологии, морфологии и синтаксиса. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. В сфере фонологии и морфонологии исследование было направлено на реконструкцию процесса изменений редуционного характера.

2. Морфология и синтаксис изучались с точки зрения эволюции и упрощения системы в условиях языкового контакта, с одной стороны, и языкового сдвига, с другой.

3. В сфере диалектологии основное внимание было уделено диагностике СИИ как идиома нижнелужского ареала при помощи изоглосс, предложенных в работах А. Лаанеста и М. З. Муслимова⁴.

4. В области языковых контактов в задачи исследования входило выделение основных черт, которые характеризуют СИИ как контактный идиом; разграничение случаев смешения и переключения кодов; описание механизмов адаптации заимствований.

Поставленные задачи были реализованы при помощи методов сопоставительной диалектологии, сравнительно-исторического языкознания и контактной лингвистики. В области инновационных тенденций в грамматике

---

⁴ Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. – Таллин: Валгус, 1966; Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: нижнее течение реки Луги: дис. ... канд. фил. наук. – СПб.: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2005.

СИИ на практике применялись теоретические разработки последних лет, посвященные грамматикализации и синтаксическим заимствованиям⁵. В первой части работы, затрагивающей проблемы социолингвистической ситуации в с. Рыжково и этнической идентичности сибирских ингерманландцев, используются основные положения конструктивистской теории этничности и теория актов идентичности⁶. В качестве **материала для анализа** использовались следующие источники:

– полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиционных поездок в с. Рыжково и с. Михайловка, где проживают последние носители говора с. Финны (в 2008 и 2009 гг.), в с. Рыжково (в 2010-2012 гг.), в г. Москву в (2009-2013 гг.) и г. Таллин (в 2012 г.), где работа также велась с бывшими жителями с. Рыжково;

– диалектный материал по ижорским говорам, представленный в описаниях разных лет, прежде всего — нижнелужского диалекта ижорского языка; диалектный материал по говорам ингерманландского диалекта финского языка нижнелужского ареала; диалектный материал водского языка;

– грамматические описания и словарный материал литературного эстонского, финского, ижорского и водского языков, словарный материал по северным говорам ингерманландского диалекта финского языка.

Количество носителей СИИ родом из с. Рыжково на момент проведения исследования составляло около 30 человек. Для создания описания СИИ

---

⁵ Aikhenvald A.Y. *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Perspective* // *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology* / A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, eds. – New York: Oxford University Press, 2007; Matras Y., Sakel J. *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Y. Matras, J. Sakel, eds. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

⁶ Barth F. *Introduction: Ethnic Groups and Boundaries* // *Theories of Ethnicity: A Classical Reader* / W. Sollors, ed. – London: Blackwell, 1996; Le Page R.B. *The Evolution of a Sociolinguistic Theory of Language* // *The Handbook of Sociolinguistics* / F. Coulmas, ed. – Blackwell Publishers, 2000. – P. 15–33; Tabouret-Keller A. *Language and Identity* // *The Handbook of Sociolinguistics* / F. Coulmas, ed. – London: Blackwell, 2000. – P. 315–326.

был использован материал лингвистических анкет, посвященных различным аспектам фонологии, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики рассматриваемого идиома. В отдельных случаях были использованы спонтанные тексты. Объем записанного языкового материала составил около 80 часов диктофонной записи.

На защиту выносятся следующие положения диссертационного исследования:

1. Особенности СИИ, отличающие его от родственных нижнелужских ижорских и финских говоров, в большинстве случаев относятся к явлениям инновационного характера.

2. Большинство инновационных явлений объясняется развитием тенденций, имеющих и в родственных идиомах.

3. Контактное воздействие эстонского языка и изменения, происходящие в условиях сокращения сфер употребления СИИ и перехода носителей на русский язык способствовали исчезновению явлений консервативного характера и ускорили процесс развития редуцированных тенденций.

4. Несмотря на то, что многие изменения в СИИ происходили в том же направлении, в котором исторически происходили изменения в эстонском языке, СИИ все же сохраняет ряд черт, позволяющих достаточно четко отделить его от эстонского языка, используемого некоторыми жителями с. Рыжково (например, наличие в СИИ сингармонизма, гласных призвуков у конечных консонантов в словах, испытавших апокопу; наличие специфических падежных показателей генитива, партитива мн.ч., терминатива и комитатива; наличие диалектной лексики, свойственной идиомам нижнелужского ареала).

Теоретическая значимость работы в первую очередь определяется ее комплексным подходом, при котором рассмотрение получают все уровни языковой системы. Кроме того, полученные результаты дают новый материал для теории языковых контактов, в рамках которой СИИ может использоваться как пример контактного идиома, сложившегося в результате взаимо-

действия близкородственных прибалтийско-финских языков. Описанные механизмы фонологических и морфологических изменений дают новые примеры для сравнительно-исторического прибалтийско-финского языкознания.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения содержащихся в ней сведений для составления диалектного атласа Ингерманландии. Кроме того, публикуемые языковые примеры могут в дальнейшем использоваться для реконструкции состояния ижорских и финских говоров в д. по р. Россонь в конце XVIII — начале XIX вв., а также в качестве иллюстративного материала для курса введения в прибалтийско-финское языкознание и теорию языковых контактов. Подробные сведения о появлении ингерманландских переселенцев в Сибири могут быть интересны специалистам, интересующимся поздними этапами колонизации Сибири.

Отдельный интерес для прибалтийско-финского языкознания и фонологической типологии в целом представляет фонологическая система СИИ, в частности, феномен глухих гласных, возникающих в позиции на конце слова в результате редукции. Материалы СИИ позволяют в дальнейшем провести исследование этого типологически редкого явления в сопоставлении с глухими гласными в ижорском языке⁷.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в рамках следующих конференций и семинаров:

– прибалтийско-финский семинар в ИЛИ РАН в ноябре 2008 г. (доклад «Корлаки» Омской области – проблемы внутренней и внешней идентификации. Результаты экспедиции (июль-август 2008 г.)),

---

⁷ Кузнецова Н.В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук / Отв. ред. Н. Н. Казанский.– СПб.: Нестор-История, 2012. – Т. VIII, Ч. 1. – С. 43–103.

– VIII конгресс этнографов и антропологов в г. Оренбург в июле 2009 г. (доклад «Финны Омской области: проблемы внутренней и внешней идентификации»),

– XL Международная филологическая конференция на филологическом факультете СПбГУ 14-19 марта 2011 г. (доклад «Идиом ингерманландцев в Сибири: социолингвистическая ситуация и лингвистический статус»),

– международная конференция по типологии “Variation and typology: New trends in Syntactic Research” в университете г. Хельсинки 25-27 августа 2011 г. (доклад “Some Notes on Domains of Adessive-Allative in Siberian Ingrian Finnish”),

– рабочее совещание по переключению кодов в ИЛИ РАН в ноябре 2011 г. (с докладом «Макро- и микроуровни переключения кодов в речи ингерманландцев в Сибири: *Vot gadaj mikä ono*»),

– Конференция молодых лингвистов в Таллинском университете 16-18 февраля 2012 г. (с докладом «Язык ингерманландцев в Сибири: некоторые особенности фонологии и морфонологии»),

– Социолингвистический семинар на кафедре антропологии в Европейском Университете в Санкт-Петербурге 7-9 сентября 2012 г. (с докладом “General characteristics of contact-induced phenomena in SIF”),

– Первая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» в ИЯз РАН в г. Москва 20-22 сентября 2012 г. (с докладом «Эволюция именной морфологии в сибирском ингерманландском идиоме»),

– Международная конференция «Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык» в ИЛИ РАН 19-21 ноября 2012 г. совместно с М.З. Муслимовым (с докладом “Is There Life After Language Death: Notes on Several Baltic-Finnic Minority Language Varieties”),

– международная конференция “LDLT-4 в Лондонском университете 7-8 декабря 2013 г. совместно с Н.В. Кузнецовой (с докладом “Evolution of Voiceless Vowels in Two Finnic Varieties of Ingria”).

По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объемом 4,3 п.л., в том числе 3 работы объемом 4,15 п.л. в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ. Авторский вклад в статьях, выполненных совместно с другими авторами, составляет 50 % (в случае с М. З. Муслимовым) и 30 % (в случае с Н. В. Кузнецовой).

Объем и структура работы. Диссертация включает 377 страниц машинописного текста и состоит из Введения, 6 глав, Заключения, списка использованной литературы и архивных источников (153 наименования, из них на иностранных языках — 78), списка сокращений и приложений, содержащих таблицы глагольных парадигм СИИ, список первых ингерманландских переселенцев, список информантов, являющихся носителями СИИ, и карту расселения ингерманландцев в Сибири.

Основное содержание работы. Во Введении освещены такие вопросы, как актуальность исследования, его научная новизна, цели и задачи. Отдельное внимание уделено теоретической и практической значимости работы. Наряду с этим перечислены положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена истории образования поселений. Здесь же охарактеризована общая динамика развития социолингвистической ситуации в с. Рыжково в XIX-XXI в. Важным положением во Введении является вывод о неприменимости для обозначения группы термина «корлаки», использовавшегося ранее в некоторых работах, посвященных сибирским ингерманландцам. Опровергаются также сведения о том, что группа рыжковских ингерманландцев была ассимилирована эстонцами с сохранением только отдельных «финских» черт, отличающих их идиом от эстонского языка. Сибирские ингерманландцы характеризуются как группа, противопоставляющая себя как эстонцам, так и финнам.

Во второй главе приводится описание фонологической системы СИИ. Система вокализма СИИ характеризуется как инновационная. Долгие гласные и дифтонги в рамках данной системы невозможны в неударном слоге, поэтому число возможных дифтонгов в СИИ в целом меньше, чем в род-

ственных идиомах. Исторические дифтонги *iö, io, ie* в СИИ испытали понижение второго компонента до нейтрального *ə*, что может объясняться слабостью его позиции в дифтонге с первым ударным компонентом, ср. фин. *huomena* vs. СИИ *huəmen* ‘завтра’; фин. *yö* vs. СИИ *iä* ‘ночь’, фин. *tie* vs. СИИ *tiə* ‘дорога’. На фонологическом уровне противопоставляются долгие и краткие гласные фонемы, в то время как явление продления кратких гласных, наблюдающееся в некоторых структурах, не имеет смыслоразличительного значения. Неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема (*ə*), введение которого кажется целесообразным для СИИ на фонологическом уровне, не имеет долгого коррелята. Он используется в следующих контекстах: как уже говорилось, для второго редуцированного компонента дифтонгов, для редуцированных гласных в позиции синкопы, для гласного, этимологически восходящего к сочетанию *-ja* в ауслауте с апокопированным кратким гласным (в словах типа **marja* ‘ягода’, **karja* ‘стадо’, **kirja* ‘книга’ и т.д.).

Система консонантизма в СИИ демонстрирует типологически редкое разнообразие: в нем выявлено свыше 70 согласных фонем. Такое богатство консонантного состава СИИ объясняется возникновением дополнительных признаков у конечных консонантов, которые исторически предшествовали отпавшим кратким гласным в ауслауте. По сравнению с нижнелужскими ижорскими говорами, где краткие гласные в ауслауте выделились в особую подсистему глухих гласных⁸, в СИИ рефлексy отпавших кратких гласных практически утратили гласные свойства и в настоящее время реализуются как палатализация, лабиализация или палатализация в сочетании с лабиализацией у конечного согласного: ср. фин. *kukko* vs. СИИ *kukk^o* ‘петух’, фин. *penkki* vs. СИИ *penkkⁱ* ‘скамейка’, фин. *höyry* vs. СИИ *höür^o* ‘пар’. В целом, в

---

⁸ Кузнецова Н.В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук / Отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Нестор-История, 2012. – Т. VIII, Ч. 1. – С. 43–103.

системе консонантизма СИИ также последовательно противопоставлены краткие и долгие согласные на фоне отсутствия противопоставления первичных и вторичных геминат.

Раздел, посвященный изучению редукционных явлений в СИИ, отчасти носит сравнительно-исторический характер. По результатам внутренней реконструкции и сопоставления с родственными идиомами было установлено, что такие фонологические явления, как апокопа и синкопа в словах определенной структуры (во втором слоге стопы вида CVCCV, CVVCCV, CVVCV, где С = консонант, V = гласный) в СИИ привели к отпадению гласных в ауслауте и выпадению / качественной редукции гласных в середине слова. Это существенным образом отразилось на словоизменительных моделях большей части имен и глаголов. Эти же редукционные процессы привели к изменению внешнего вида большинства грамматических показателей.

В рамках данного раздела вводятся такие понятия как *усложненная стопа* (упомянутая ранее стопа вида CVCCV, CVVCCV, CVVCV), а также *позиция фонологической и фонетической редукции*. Краткие гласные, находящиеся в *позиции фонологической редукции*, переходят в ə: *huətav* ‘дешевый’ > *huətəvat* ‘дешевый.NOM.PL’. Информанты испытывают затруднения при попытке прояснить подобный гласный, а некоторые считают, что гласный в подобной позиции вообще отсутствует. Краткие гласные, находящиеся в *позиции фонетической редукции*, могут утрачивать противопоставление по ряду и подъему, но всегда с легкостью проясняются: *tulivat* ‘приходить.PST-3PL’ [*tulivət*].

В третьей главе рассматриваются последствия эволюции фонологической системы применительно к типам морфонологических изменений, характерных для образования отдельных именных и глагольных форм. Наиболее существенное влияние на морфонологию СИИ оказали следующие явления:

– отпадение кратких гласных в ауслауте в формах номинатива имен определенного типа (*kaivo > *kaivo* ‘колодец’), партитива ед.ч. (*lammasta >

lammast ‘овца-PRT.SG’); партитива мн.ч. (**kaloja > kalloj* ‘рыба-PRT.PL’⁹); иллатива ед. и мн.ч. (**maaha > maah* ‘земля-ILL.SG’; **hevosisse > hevosis* ‘лошадь-ILL.PL’); инфинитива (**trehvata > trehvat* ‘ухаживать-INF’), пассивного причастия (**nähtü > näht^o* ‘видеть-PRC_PSS.SG’) и проч.;

– сокращение конечных долгих гласных в формах номинатива (**kiukaa > kiuka* ‘печь’); партитива ед.ч. (**kannaa > kanna* ‘курица.PRT.SG’); иллатива ед.ч. (**hevosee > hevose* ‘лошадь-ILL.SG’); инфинитива (**haastaa > haasta* ‘говорить-INF’) и проч.;

– стяжение конечных дифтонгов в формах номинатива (**makkea > makke* ‘сладкий’); партитива (**karrua > karru* ‘медведь.PRT.SG’); инфинитива (**katsoa > katso* ‘смотреть-INF’); имперфекта 3 л. ед.ч. (**katsoi > katso > kats^o* ‘смотреть-IPF.3SG’) и проч.;

– сокращение неконечных долгих гласных в именных основах (**lampaan > lampan* ‘овца-GEN’); в формах презенса 3 л. мн. ч. (**nauraat > naurat* ‘смеяться.PRS.3PL’); в показателе активного причастия мн.ч. (**suvaneet > suvanet* ‘любить-PRC_PST.PL’) и проч.;

– стяжение неконечных дифтонгов в именах типа **punainen > punane / punan* ‘красный’; в формах генитива мн.ч. (**kannoin / kannojen > kannon* ‘курица.PL-GEN’); в формах имперфекта (**kutsuin > kutsun* ‘звать-IPF-1SG’) и проч.;

– появление консонантов с дополнительными признаками в формах номинатива (**kukko > kukk^o* ‘петух’); в глагольных формах (уже упоминавшиеся случаи **katsoi > katso > kats^o* ‘смотреть-IPF.3SG’; **nähtü > näht^o* ‘видеть-PRC_PSS.SG’) и проч..

В результате изучения морфонологии СИИ и ее сопоставления с морфонологией ижорских и финских говоров определяются типы наиболее су-

---

⁹ Показатель **-ja* в рамках СИИ можно интерпретировать не как показатель числа, а как показатель партитива, сочетающий в себе падежное значение со значением множественного числа.

ществленных консонантных преобразований на стыке именной и глагольной основы и грамматических показателей, такие как:

– общая геминация при отсутствии последующего долгого гласного или дифтонга (*saha* ‘пила’ ~ *sahha* ‘пила.PRT.SG’ < *sahhaa);

– чередование ступеней в основе, насчитывающее девять основных типов *püss*^o ‘ружье’ ~ *püsün* ‘ружье-GEN’; *palkk* ‘бревно’ ~ *palkin* ‘бревно-GEN’; *pank* ‘ведро’ ~ *pangin* ‘ведро-GEN’; *leip* ‘хлеб’ ~ *leivän* ‘хлеб-GEN’; *sika* ‘свинья’ ~ *sian* ‘свинья-GEN’; *märk* ‘мокрый’ ~ *märän* ‘мокрый-GEN’; *lint*^o ‘птица’ ~ *linnut* ‘птица-GEN’; *raiska* ‘портить.PRS.3SG’ ~ *raisat* ‘портить-INF’; *reki* ‘сани’ ~ *rejet* ‘сани-GEN’);

– исторические изменения консонантов $n > s$: *nain* ‘женщина’ ~ *naisen* ‘женщина-GEN’; $s > h$: *miäs* ‘мужчина’ ~ *miehen* ‘мужчина-GEN’; $s > v$: *uus* ‘новый’ ~ *uvven* ‘новый-GEN’; $s > t$: *vesi* ‘вода’ ~ *vett* ‘вода-PRT’; $s > j$: *viis* ‘пять’ ~ *vijjen* ‘пять-GEN’; $s > ks$: *jänis* ‘заяц’ ~ *jäniksen* ‘заяц-GEN’;

– ассимиляция консонантов на стыке основы и показателя ($m > n$: *lumi* ‘снег’ ~ *lunt* ‘снег-PRT’);

В области вокалических чередований выделяются следующие типы преобразований:

– появление тематического гласного (*kukk*^o ‘петух’ vs. *kukko* ‘петух.PRT/ILL.SG’);

– мутация тематического гласного основы (*kana* ‘курица’ vs. *kanoj* ‘курица.PL-PRT’; *maksa* ‘стоять.PRS.3SG’ vs. *maksovat* / *maksivat* ‘стоять.IPF-3PL’; *tulen* ‘приходить.PRS-1SG’ vs. *tulin* ‘приходить.IPF-1SG’);

– историческое чередование тематического гласного основы (*lumi* ‘снег’ vs. *lumen* ‘снег.GEN’); (*tulen* ‘приходить.PRS-1SG’ vs. *tullo* ‘приходить.PRS.3SG’);

– замена конечного гласного глагольной основы (*kaivan* ‘копать.PRS-1SG’ vs. *kaivetti* ‘копать-IPS.PST’).

Сведения о сочетании консонантных и вокалических преобразований, в свою очередь, служат для выделения основных парадигматических классов.

С этой целью используются понятия базовой и вспомогательной основ. Под базовой именной основой понимается основа номинатива. Вспомогательные основы образуются от базовой при помощи консонантных и вокалических преобразований. Индивидуальные способы образования, характерные для имен определенного типа, имеют косвенная основа единственного и косвенная основа множественного числа, а также формы партитива и иллатива единственного числа. Формы партитива и иллатива мн. ч. образуются при помощи косвенной основы мн.ч. и соответствующего показателя (*-j* в качестве показателя партитива мн.ч. и *-s* в качестве показателя иллатива мн.ч.). Например *hevon* ‘лошадь’, *hevosen* ‘лошадь-GEN’ (где *hevose-* — косвенная основа ед.ч. с тематическим гласным *-e*), *hevosiin* ‘лошадь.PL-GEN’ (где *hevosi-* — косвенная основа мн.ч. с мутацией тематического гласного), *hevost* ‘лошадь-PRT.SG’ (с выпадением тематического гласного), *hevose* ‘лошадь.ILL.SG’ (с тематическим гласным как в косвенной основе ед.ч.) vs. *hevosiin* ‘лошадь.PL-PRT’, *hevosiin* ‘лошадь.PL-ILL’.

Еще одним критерием для выделения морфонологических типов имени являются неуниверсальные падежные показатели. К их числу относятся показатели партитива и иллатива ед.ч.. Для некоторых имен характерен показатель партитива ед.ч. *-t* (*makket* ‘сладкий-PRT’, *kiukat* ‘печь-PRT’, *rohost* ‘зеленый-PRT’, *lunt* ‘снег-PRT’, *maat* ‘земля-PRT’). Для других имен формы партитива ед.ч. образуются только при помощи морфонологических преобразований без показателя (*kukko* ‘петух.PRT’, *luuta* ‘веник.PRT’ — с восстановлением тематического гласного, *kanna* ‘курица.PRT’ — с геминацией последнего консонанта основы). Для отдельного класса имен показатель партитива *-t* используется и во мн.ч. (*maa* ‘земля’, *mait* ‘земля.PL-PRT’). Показатели иллатива ед.ч. *-s* и *-h* также характерны только для ограниченного числа имен (*makke* ‘сладкий’, *makkes* ‘сладкий-ILL’, *kiuka* ‘печь’, *kiukas* ‘печь-ILL’, *suu* ‘рот’, *suuh* ‘рот-ILL’).

Чтобы составить представления о морфонологическом типе имени, необходимо знать способы образования его четырех вспомогательных основ

в сочетании с неуниверсальными падежными показателями. Основные типы основ имени, таким образом, можно представить в следующей таблице, позволяющей образовать полную парадигму имени в ед. и мн.ч. (на примере одного из самых распространенных именных морфонологических типов):

тип основы	пример	значение
NOM.SG	<i>kukk</i>	‘цветок’
PRT.SG	<i>kukka</i>	‘цветок.PRT.SG’
ILL.SG	<i>kukka</i>	‘цветок.ILL.SG’
OBL.SG	<i>kukan</i>	‘цветок-GEN’
OBL.PL	<i>kukkin</i>	‘цветок.PL-GEN’

Все это позволяет принципиально новым способом организовать систему морфонологических типов имени, в которой, наравне с классами, исторически характерными для родственных идиомов, выделяются новые синкретичные классы именных основ, объединяющие несколько исторически существовавших типов. Так, например, прилагательное *onneton* ‘несчастный’ в СИИ утратило особенности, присущие парадигме имен подобного типа в родственных прибалтийско-финских языках и, с точки зрения парадигматики, интерпретируется носителями СИИ как имя с суффиксом *-n* типа *punap* ‘красный’, *rohon* ‘зеленый’ с основой номинатива ед.ч. на *-n* и отпавшим кратким *-e* в ауслауте (ср. формы генитива ед.ч. в СИИ *onnetojseen* и в лит.фин. *onnetoman* и СИИ *punasen* vs. лит.фин. *punaisen*).

Для выделения глагольных морфонологических классов используется тот же принцип. Для каждой глагольной лексемы можно выделить базовую основу инфинитива и вспомогательные основы, образующиеся при помощи индивидуальных для данного глагольного типа вокалических и консонантных преобразований: основа инфинитива (базовая); основа супина; основа имперсонала прош. вр.; основа отрицательной формы презенса + императива ед.ч.; основа императива мн.ч.; основа 1-2 л. презенса; основа 3 л. презенса; основа 1-2 имперфекта; основа 3 л. ед. ч. имперфекта; основа 3 л. мн. ч. им-

перфекта; основа пассивного причастия; основа активного прич. ед. ч.; основа активного прич. мн.ч..

Ряд показателей (супина, императива 2 л. мн. 3 л. мн.ч.) имеют сингармонические варианты. Лично-числовые показатели 2 л. ед. и мн. ч. полностью совпали (-*t*) за счет отпадения конечного гласного в показателе 2 л. мн.ч.. Апокопа также произошла и в показателе 1 л. мн.ч. (-*m*). Данные показатели являются универсальными.

К числу неуниверсальных относятся показатели 3 л. индикатива презенса ед. ч. (-*p*, -*jA*, $\emptyset$) и мн.ч. (-*t*, -*jAt*, -*vAt*). Для некоторых глагольных лексем они находятся в отношениях более или менее свободного варьирования: *valla* ‘лить.PRS.3SG’ / *valaja* ‘лить.PRS-3SG’; *vallat* ‘лить.PRS-3PL’ / *valajat* ‘лить.PRS-3PL’; *vie* ‘нести.PRS.3SG’ / *viep* ‘нести.PRS-3SG’; *veität* ‘нести.PRS-3PL’ / *vievät* ‘нести.PRS-3PL’.

Для образования формы 3 л. мн.ч. индикатива имперфекта используется неуниверсальный показатель из числа уже упоминавшихся (-*vAt*): *haast^o* ‘говорить.IPF.3SG’, *haastovat* ‘говорить.IPF-3PL’; *eli* ‘жить.IPF.3SG’, *elivät* ‘жить.IPF-3PL’. В отличие от форм презенса, где он употребляется лишь для ограниченного морфонологического типа глаголов, в имперфекте данный показатель 3 л. мн.ч. применяется для всех глаголов.

Категория времени для личных форм глагола может выражаться двумя способами: морфологически, за счет противопоставления основы настоящего и основы прошедшего времени, а также при помощи неуниверсального показателя имперфекта, имеющего, к тому же, различные формы для 1, 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. мн. ч. (-*si*) с одной стороны, и 3-го л. ед. ч. с другой (-*s*). Для некоторых глаголов характерны оба способа образования форм имперфекта: *kazv^o* ‘расти.IPF.3SG’ ~ *kazvas* ‘расти-IPF.3SG’; *kazvovat* ‘расти.IPF-3PL’ ~ *kazvasivat* ‘расти-IPF-3PL’.

Инфинитив образуется при помощи показателей -*t*, $\emptyset$. Формы инфинитива с разными показателями для отдельных глаголов употребляются вполне равноправно (*duuma* ‘думать-INF’ / *duumat* ‘думать-INF’), в то время как для

других характерно употребление только формы с нулевым показателем: *anta* ‘давать.INF’, *paikat* ‘чинить-INF’.

Активное и пассивное причастие, а также формы имперсонала образуются при помощи универсальных показателей, начальные консонанты которых способны ассимилироваться конечным консонантом основы или утрачивать геминацию при присоединении к основе, оканчивающейся на согласный. Так, начальные консонанты показателей активного причастия ед. и мн. ч. (*-nt*, *-net*) при присоединении к глагольным основам определенного типа ассимилируются последним консонантом основы. Параллельно могут существовать формы с ассимиляцией и без ассимиляции: *kazvant* ‘расти-PRC_ACT.SG’ ~ *kazvanet* ‘расти-PRC_ACT.PL’; *kuult* ‘слышать-PRC_ACT.SG’ ~ *kuullet* ‘слышать-PRC_ACT.PL’; *kuulent* ‘слышать -PRC_ACT.SG’ ~ *kuulenet* ‘слышать-PRC_ACT.PL’.

Показатели имперсонала настоящего и прошедшего времени (*-tA/-ttA*, *-ti/-tti*) также существуют в двух вариантах: с геминацией начального консонанта и с одиночным начальным консонантом (первое — в случае присоединения к глагольной основе, заканчивающейся на гласный, второе — при присоединении к глагольной основе, заканчивающейся на согласный): *kutsu* ‘звать.INF’, *kutsutti* ‘звать-IPS_PST’; *pann* ‘класть.INF’, *panti* ‘класть-IPS_PST’.

Наличие геминированного варианта и варианта с одиночным согласным характерно также для показателя пассивного причастия (*-tt^o*, *-t^o*): *kutsett^o* ‘звать-PRC_PSS’; *pant^o* ‘класть-PRC_PSS’.

Универсальные показатели с вариантами, обусловленными фонетическим контекстом, и разновидности неуниверсальных показателей представлены в таблице на стр. 20. Описанная выше вариативность не позволяет построить однозначную классификацию глагольных основ подобно тому, как это было сделано для имени.

Глагол «быть» в СИИ заслуживает отдельного рассмотрения. В отличие от остальных глаголов он имеет супплетивную форму будущего времени: *liānen* ‘быть.FUT-1SG’, *liānet* ‘быть.FUT-2SG’, *liānō* ‘быть.FUT-3SG’, *liānem*

‘быть.FUT-1PL’, *liānet* ‘быть.FUT-2PL’, *liānöt* ‘быть.FUT-3PL’ и полную парадигму в кондиционалисисе: *olisin* ‘быть.CND-1SG’, *olisit* ‘быть.CND-1SG’, *olis’* ‘быть.CND-1SG’, *olisim* ‘быть.CND-1SG’, *olisit* ‘быть.CND-1SG’, *olisivat* ‘быть.CND-1SG’.

Инфинитив		$\emptyset$; -t	
Супин		-ma / -mä ¹⁰	
Пассивное причастие		-(t)t ^o / -(t)t ^o ’	
Имперсонал наст.вр		-(t)ta / -(t)tä	
Имперсонал прош.вр.		-(t)ti	
ps	sg	ps	pl
Презенс, имперфект			
1	-n	1	-m
2	-t	2	-t
Презенс			
3	$\emptyset$; -ja / -jä; -p	3	-jat / -jät; -t; -vat; -vät
Имперфект			
3	$\emptyset$	3	-vat / -vät
-si- (-s’) ¹¹			
IMP			
2	$\emptyset$	2	-ka / -kä
Активное причастие			
sg	-(n)t	pl	-(n)et

Еще одной особенностью этого глагола является параллельное употребление форм имперсонала настоящего и прошедшего времени (*olla* и *olti*

¹⁰ Через косую черту представлены сингармонические варианты показателей.

¹¹ Апокопированный вариант показателя имперфекта употребляется только для 3 л. ед.ч.

соответственно) как в бессубъектных конструкциях (1), так и при наличии субъекта в 3 л. мн.ч. (2):

(1) *Hiänoj kärpsij ono, suurij kärpsij ono.*

<i>hiäno-j</i>	<i>kärpsi-j</i>	<i>ono,</i>
‘мелкий-PRT.PL	муха.PL-PRT	быть.3SG,
<i>suuri-j</i>	<i>kärpsi-j</i>	<i>ono</i>
большой.PL-PRT	муха.PL-PRT	быть.3SG’

Мухи бывают мелкие, бывают и крупные.

(2) *Saapat olla kovasta kallit.*

<i>saapa-t</i>	<i>olla</i>	<i>kovasta</i>	<i>kalli-t</i>
‘сапог-NOM.PL	быть.IPS_PRS	сильно	дорогой-NOM.PL’

Сапоги очень дорогие.

В четвертой главе рассмотрение получает морфология СИИ, то Есть, прежде всего, способы выражения грамматических значений. В области именной морфологии СИИ можно констатировать сокращение числа грамматических категорий (например, полное исчезновение категории посессивности) и изменение количества падежей. Так, в СИИ практически вышел из употребления эссив, а вместо него в большинстве контекстов используется номинатив и, в отдельных случаях, транслатив (3):

(3) *Miun veli oli so:ltatiks.*

<i>Miu-n</i>	<i>veli</i>	<i>oli</i>	<i>so:ltati-ks</i>
1SG-GEN	брат	быть.IPF.3SG	солдат-TRL

Мой брат был солдатом.

Адессив и аллатив в СИИ слились в синкретичный падеж адессив-аллатив (ср. (4), где в родственных СИИ идиомах употреблялся бы адессив, и (5), где ожидалось бы употребление аллатива):

(4) *Karul ono paks^o nahk.*

<i>karu-l</i>	<i>ono</i>	<i>paks^o</i>	<i>nahk</i>
---------------	------------	-------------------------	-------------

медведь-ADL   быть.PRS.3SG   толстый   шкура

У медведя толстая шкура.

(5) *Karul laskivat jalan.*

karu-l   laski-vat   jala-n

медведь-ADL   стрелять.IPF-3PL   нога-GEN

Медведю прострелили лапу.

Комитатив и терминатив из послеложных конструкций эволюционировали в практически полноценные падежи. Существенным синтаксическим отличием от прочих падежей здесь является то, что комитативом (6) и терминативом (7) оформляется только вершина именной группы, в то время как зависимые члены в большинстве случаев получают показатель генитива:

(6) *Tütt^o ono kultsin tildukonka.*

tütt^o   ono   kultsi-n   tilduko-nka

девушка быть.PRS.3SG   золотой.PL-GEN   серьга.PL-COM

У девушки золотые сережки.

(7) *Hä mäni suuren suassa.*

hä   mäni   suure-n   suä-ssa

3SG   идти.IPF.3SG   большой-GEN   болото-TRM

Он дошел до большого болота.

Глагольная морфология СИИ также претерпела существенные изменения. Так, супин практически утратил способность присоединять падежные показатели. Падежные формы супина некоторых глаголов, встретившиеся в моем материале, очевидно, уже можно отнести к разряду наречий (например, *mänemmäs* ‘дорогой, на полпути’). Информанты не могут образовывать подобные формы свободно от любого предложенного глагола. Чаще всего имеет место ситуация, когда они одобряют некоторые предложенные им падежные формы супина, но уже не употребляют их в свободной речи:

(8) *Hä tuli metsän leikämäst.*

hä tuli metsä-n leikä-mä-st
'3SG приходить.IPF.3SG лес-GEN рубить-SUP-ELT'
Он пришел с рубки леса.

Имперсонал настоящего времени почти во всех случаях заменяется формами 3 л. мн. ч. (9) на фоне достаточно частого употребления форм имперсонала в имперфекте. В отдельных случаях он может выступать в субъектных конструкциях вместо форм 3 л. мн.ч. имперфекта (10):

(9) *Rummist ihmäsiyst sanno pahoj sanoj.*

rummi-st ihmäsi-st sanno-t
'некрасивый.PL-ELT человек.PL-ELT говорить.PRS-3PL
paho-j sano-j
плохой.PL-PRT слово.PL-PRT'
О некрасивых людях говорят плохие вещи.

(10) *Kanat mänti plehko.*

kana-t män-ti plehko
'курица-NOM.PL идти-IPS.PST наутек'
Курицы разбежались.

Синтетические способы выражения кондиционалиса были заменены аналитическими конструкциями с бытийным глаголом:

(11) *Kui huāmen oli veli tult, müä olisim männet püütämä kalla.*

Kui huāmen oli veli tul-t,
когда завтра быть.IPF.3SG брат приходить-PRC_ACT.SG
müä ol-isi-m män-net püütä-mä kalla.
1PL быть-CND-1PL идти-PRC_ACT.PL ловить-SUP рыба.PRT
Если бы брат завтра приехал, мы пошли бы ловить рыбу.

Исследование морфологии СИИ завершается рассмотрением инвентаря наречий, предлогов, послелогов, союзов и прочих неизменяемых классов лексем. Особое внимание уделяется моделям образования наречий, т.к. они часто представляют собой застывшие падежные формы имен, позволяющие реконструировать более раннюю стадию развития именной морфологии СИИ.

Пятая глава посвящена рассмотрению частных аспектов синтаксиса, прежде всего, в той сфере, которая является инновационной в силу изменений, произошедших на морфологическом уровне. Материал СИИ рассматривается в сопоставлении с аналогичными примерами из литературного финского и эстонского, а также отчасти водского и ижорского языков. Синтаксические изменения, имеющие место в СИИ относительно материнских говоров, как правило, сближают его с эстонским языком, а отчасти могут объясняться распадом языковой системы. Кроме того, в отдельных случаях синтаксические конструкции, употребляемые носителями СИИ, демонстрируют высокий уровень интерференции со стороны русского языка.

В частности, рассмотрение получают сдвиги в семантике и употреблении некоторых падежей. Освещение получает проблема расширения сфер употребления синкретичного адессива-аллатива, который имеет тенденцию брать на себя синтаксические роли и выступает во многих конструкциях, проникших в СИИ, вероятно, под воздействием русского языка. Схожие явления наблюдаются и в ингерманландских финских говорах, находящихся в тех же контактных условиях.

Отдельное внимание уделяется проблеме условных конструкций. Показатель *-is(i)-*, характерный для ингерманландских финских говоров и ижорского языка, в СИИ используется только для образования синтетических форм кондиционалиса бытийного глагола. Для всех остальных глаголов семантика кондиционалиса выражается при помощи аналитической конструкции, состоящей из глагола-связки с соответствующим показателем и причастия смыслового глагола. Исторически, насколько можно судить, выбор при-

частия определялся характеристиками предиката: при бессубъектном предикате использовалось пассивное причастие, при субъектном — активное, согласующееся с субъектом по числу. В настоящее время в данных конструкциях может нарушаться согласование по числу как для причастия, так и для бытийного глагола, а в составе бессубъектного предиката часто используется активное причастие. Данная сфера демонстрирует пример изменений, происходящих в языке в связи с сокращением сфер его употребления.

Шестая глава посвящена контактным явлениям и диалектологическим характеристикам СИИ. Исторически с. Рыжково не было единственным местом, где проживали носители данного идиома. По всей видимости, начиная с середины XIX в. в результате расселения жителей первой лютеранской колонии по территории Западной Сибири самостоятельные говоры СИИ сформировались во вновь возникших поселениях, таких как с. Фины (современный Знаменский район Омской области), с. Боярка (современный Викуловский район Тюменской области), с. Ивановка (современный Калачинский район Омской области) и, предположительно, с. Верхний Суэтук (современный Каратузский район Красноярского края).

На момент проведения исследования (2008-2012 гг.) такие населенные пункты, как с. Фины, с. Боярка и с. Ивановка уже прекратили свое существование, а потомки ингерманландцев были вынуждены переселиться в соседние русские и эстонские села. Отдельные фрагменты спонтанных и стимульных текстов были получены для говоров с. Боярка и с. Фины. В с. Орловка и с. Ковалево, в которых обосновалась часть жителей с. Фины и с. Ивановка, а также в с. Верхний Суэтук местные разновидности СИИ вышли из употребления в середине XX в. в результате перехода носителей на эстонский язык (в с. Орловка — на местную разновидность финского языка). В настоящее время систематическое изучение СИИ возможно только на базе говора с. Рыжково.

Анализ словарного состава и фонологической системы СИИ с точки зрения его места на диалектологической карте Ингерманландии позволяет

диагностировать его как нижнелужский финский говор с отдельными ижорскими элементами, а также с небольшим количеством водской лексики субстратного происхождения. Многие процессы, которые, предположительно, имели место и в материнских говорах, принимавших участие в формировании идиома, за двести лет его автономного существования в Сибири стабилизировались и привели к сближению СИИ с эстонским языком. Это сближение усугубилось в результате контактов с эстонцами, которые проживали с носителями СИИ в одном и том же поселении на протяжении более 150 лет. При этом в СИИ практически отсутствуют следы влияния литературного финского языка и западнофинских диалектов, несмотря на активные контакты с их носителями вплоть до 1920-х гг.

Помимо перечисленных выше характеристик СИИ, данная глава содержит краткие сведения о говоре с. Фины. В отношении редуccionных изменений данных говор находится примерно на той же стадии, что и СИИ, однако в области грамматики демонстрирует большую консервативность, а в области лексики — большее количество совпадений с литературным финским языком, нежели эстонским.

Для того чтобы можно было оценить степень расхождения СИИ с. Рыжково с местным вариантом эстонского языка, в этом же разделе приведены примеры основных различий в плане лексики и способов выражения грамматических категорий.

Отдельное небольшое исследование посвящено контактным явлениям, наблюдающимся в СИИ под воздействием русского языка. Помимо моделей адаптации заимствований, свойственных родственным ему прибалтийско-финским языкам, СИИ демонстрирует некоторые интересные особенности в этой области. В частности, русские существительные достаточно часто интегрированы в тексты на СИИ морфологически, но сохраняют просодическую организацию и фонологический облик, характерный для них в русском языке. Глаголы, напротив, редко получают оформление грамматическими показателями СИИ, однако если подобная адаптация имеет место, то соответ-

ствующие адаптационные изменения происходят и на просодическом / фонологическом уровне.

В **Заключении** подводятся краткие итоги исследования и намечается круг проблем, которые могут разрабатываться в дальнейшем. Сибирский ингерманландский идиом с точки зрения фонологии, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики характеризуется как языковой вариант, обладающий всеми признаками, свойственными прибалтийско-финским идиомам нижнелужского ареала. Вместе с тем, можно констатировать, что многие явления в нем получили самостоятельное развитие. Факт его сохранения в Сибири на протяжении более двухсот лет в условиях интенсивных контактов с близкородственными языками сам по себе уникален, особенно учитывая, что число переселившихся в Сибирь ингерманландцев составляло всего 150 человек.

Другой особенностью СИИ является наличие в нем как финской, так и ижорской и даже водской лексики, что позволяет диагностировать его как смешанный по происхождению идиом¹². Это подтверждают и списки переселенцев, среди которых были выходцы как из финских, так и из ижорских деревень, а также из поселения, в XVIII в. считавшегося водским. Пропорционально лексический состав и особенности фонологии и морфонологии СИИ с точки зрения их принадлежности к финскому и ижорскому компоненту в материнских говорах совпадают с пропорциональным соотношением финнов и ижор в числе переселенцев.

Отдельный комплекс в СИИ представляют контактные явления, обусловленные воздействием эстонского и русского языка. При наличии более подробного материала по финским и ижорским говорам нижнелужского ареала, в частности, по деревням, откуда происходили первые ингерманландские

---

¹² Смешанным идиомом его можно назвать по аналогии со смешанным ижорско-водским куровицким идиомом.

жители с. Рыжково, в дальнейшем можно сделать приведенную выше диалектологическую диагностику СИИ более точной.

Здесь же отмечается, что в перспективе более подробного рассмотрения заслуживает идиолектная вариативность среди жителей с. Рыжково, имеющая контактное происхождение. По утверждению информантов, вплоть до недавнего времени отдельные семьи ингерманландцев в СИИ сохраняли некоторые особенности речи, нехарактерные для их односельчан. Учитывая высокую консервативность сообщества ингерманландцев, сохранявших в многокультурном окружении свой идиом и этническую идентичность на протяжении стольких лет, причины идиолектного варьирования могут объясняться тем, что выходцы из разных деревень нижнелужского ареала продолжали до некоторой степени придерживаться различных языковых вариантов.

Основные положения и научные результаты диссертации отражены в следующих публикациях, в том числе — в публикациях в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

- 1. Сидоркевич, Д. В. Фонологическая система сибирского ингерманландского идиома [Текст] / Д. В. Сидоркевич // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований* / отв. ред. Н. Н. Казанский; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Т. IX. – Ч. 2. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 657–703.**
- 2. Сидоркевич, Д. В. Ингерманландцы в Сибири: этническая идентичность в многоэтничном окружении [Текст] / Д. В. Сидоркевич // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований* / отв. ред. Н. Н. Казанский; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Т. VIII. – Ч. 1. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 194–288.**

3. Sidorkevich, D. V. On Domains of Adessive-Allative in Siberian Ingrian Finnish [Текст] / D. V. Sidorkevich // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Т. VII. – Ч. 3. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 575–607.

4. Сидоркевич, Д. В. Миноритарные прибалтийско-финские идиомы: Есть ли жизнь после языковой смерти? / Minority Baltic-Finnic Idioms: Is There Life After Language Death? [Текст] / М. З. Муслимов, Д. В. Сидоркевич // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык. Тезисы докладов международной научной конференции (СПб., ИЛИ РАН, 19–21 декабря 2012 г.). – СПб.: ИЛИ РАН, 2012. – С. 44–46.

5. Sidorkevich, D. V. Evolution of Voiceless Vowels in Two Finnic Varieties of Ingria [Текст] / N. V. Kuznetsova, D. V. Sidorkevich // Language Documentation and Language Theory 4. Conference Program (London, SOAS, December, 7–8th, 2013). – London: SOAS, University of London, 2013. – P. 10–12.

6. Сидоркевич, Д. В. Финны Омской области: проблемы внутренней и внешней идентификации [Текст] / Д. В. Сидоркевич // Тезисы докладов VIII конгресса этнографов и антропологов (Оренбург, ИЦ ОГАУ, 5–7 июля 2009 г.). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2009. – С. 462.